

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.28>**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗА**

Обзорная статья

Голикова М.М.*

ORCID: 0000-0001-7029-3599,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

* Корреспондирующий автор (mmgolikova[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена проблемным направлениям изучения образной составляющей фразеологической семантики. В аналитическом ключе рассматриваются подходы отечественных и зарубежных лингвистов к осмыслению языкового образа в его фразеологической ипостаси. Выявляя спорные положения и различные стратегии исследования обозначенной проблемы, автор демонстрирует возможность интерпретации сущности фразеологического образа и его парадигмальных очертаний сквозь призму лингвокогнитивистики. Источниками исследования послужили произведения русских писателей эмигрантов. Результаты работы способны пролить свет на спорные вопросы современной фразеологии, систематизировать имеющиеся сведения по вопросам, связанным со значимыми фразеологическими категориями, что позволяет расширить горизонты исследовательской работы.

Ключевые слова: фразеология, фразеологический образ, метафора, проза русской эмиграции.

TODAY'S PROBLEMS OF UNDERSTANDING PHRASEOLOGICAL IMAGES

Review article

Golikova M.M.*

ORCID: 0000-0001-7029-3599,

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

* Corresponding author (mmgolikova[at]mail.ru)

Abstract

The article discusses the problematic areas of studying the figurative component of phraseological semantics. The author analytically examines the approaches of domestic and foreign linguists to the comprehension of the linguistic image in its phraseological nature. By identifying controversial positions and various strategies for the study of the designated problem, the author demonstrates the possibility of interpreting the essence of the phraseological image and its paradigmatic outlines through the prism of linguocognitivism. The works of Russian emigrant writers serve as the primary source of the research. The results of the study can shed light on controversial issues of modern phraseology, systematize the available information on issues related to significant phraseological categories, which allows for expanding the research boundaries.

Keywords: phraseology, phraseological image, metaphor, prose of Russian emigration.

Введение

Дискуссии о том или ином лингвистическом феномене являются стимулирующим фактором для выявления скрытых свойств даже тех понятий, которые постоянно на слуху, но, тем не менее, создают научную интригу своей загадочной природой. Рассматривая то или иное явление с разных точек зрения, ученые выявляют его онтологический статус и функциональные особенности его проявления. Причём поиск истины обычно локализуется тогда, когда высказываются мнения, порой, различающиеся весьма кардинально. Это касается не только предельно новых явлений, но и тех, которые оказываются привычными. В силу их регулярного использования на страницах академических изданий, создаётся иллюзия доподлинного знания их природы и сущности. Это в полной мере относится и к ситуации, сложившейся в лингвистике вокруг понятий «образ» и «образность». Учитывая, что данные понятия не имеют выраженных знаковых показателей, оставаясь скорее умозрительными категориями, нельзя не заметить досадную путаницу в их использовании. Авторы многих публикаций не только вкладывают в них разный смысл, но и нередко подменяют ими другие, уже давно активно используемые в лингвистике, такие, как *внутренняя форма* или *фразеологическое значение*. Все это обуславливает назревшую необходимость, с одной стороны, дифференциации, а с другой, – обобщения и систематизации существующих толкований понятий «образ», «языковой образ» и его подвид «фразеологический образ» (далее – ФО). Найти адекватные точки их соприкосновения и различий сформирует такое их понимание, которое позволит более корректно, а значит, и более продуктивно организовывать исследовательскую работу.

Основная часть

Образ – важнейшее понятие междисциплинарного изучения познавательной деятельности человека с активным участием лингвосомиозиса. Фундаментальное основание для нетривиального понимания образа было заложено отечественными психологами: А.Н. Леонтьевым, А.А. Леонтьевым, С.Д. Смирновым и их учениками. Для адаптации их концепции к лингвофилософии значительную роль сыграли исследования Н.Д. Арутюновой. Если в психологии было обосновано понимание образа как категории сознания, а не реальной действительности, то в трудах Н.Д. Арутюновой порождается преимущественно зрительными впечатлениями образ, хотя и интерпретируется в фокусе восприятия реального объекта, но такого восприятия, которое не принимает прямого участия в отражении конкретной реалии. Исследователь неустанно подчеркивает, что образ возникает в сознании в «ситуации отсутствия», т.е. без прямого контакта с объектом [1, С. 123]. Это обуславливает разницу между прямым восприятием объекта и

опосредованным, проходящим через призму возможных видоизменений, вызванных разными факторами, среди которых нельзя не отметить мировоззрение языковой личности, накопленный ею опыт, языковую среду и т.д. При этом автор не допускал появляющегося в лингвистической литературе отождествления образа с метафорическим мировосприятием. По мнению исследователя, если для возникновения метафоры смещение категориальных границ является необходимым условием, то для образа, тем более, языкового такая коллизия не присуща. По мере возрастания глубины смыслов, передаваемых языковым образом, открывается возможность его «возвышения» до символа.

Важно разграничивать понятия образа и образности. На наш взгляд, они соотносятся друг с другом как признак и реальная или потенциальная способность этим признаком обладать. Наиболее часто образность рассматривается в рамках лексикологии, что обуславливает устоявшуюся на сегодняшний день номинацию – лексический образ (далее – ЛО). По мнению Т.М. Филоненко, он «создается на основе прямого и переносного значений одного слова». Вероятно, что на уровне словесных номинаций уже упоминавшееся ранее смещение категориальных границ (для определенной категории лексической образности) является в определенной мере образопорождающим. Но наиболее явно это просматривается в образах фразеологических. От лексических они отличаются в первую очередь тем, что базируются не на отдельных лексемах, а на прототипических словесных комплексах. Разнообразие грамматических структур, синтагматическая связь отдельных компонентов делают ФО более гибким, чем ЛО, обеспечивают ему больший прагматический потенциал. Это наглядно подтверждается сопоставлением ФЕ и лексемы, образованной от нее лексико-семантическим способом, например, голова кружится и головокружение. На первый взгляд, их значение практически совпадает, однако при более детальном изучении возможных контекстов различия более явно всплывают на поверхность. Так, под головокружением в прямом значении подразумевается физиологическое состояние, проявляющееся в ощущении неустойчивости, мнимом движении предметов вокруг себя (испытывать головокружение на фоне сниженного давления). В переносном значении слово употребляется достаточно редко и может означать излишне эмоциональную реакцию под воздействием какого-либо раздражителя, однако такое значение чаще развивается в том случае, когда лексема входит в состав ФЕ (например, головокружение от успехов). Иначе проявляет себя ФЕ голова кружится. Несмотря на те же зафиксированные словарями 2 значения ('испытывать головокружение в связи с состоянием здоровья' и 'терять способность здраво мыслить из-за переживаний и хлопот'), реальный прагматический потенциал выражения гораздо шире. Более того, общность образной составляющей дает основания для того, чтобы совокупно изучать также синонимичную ФЕ голова идет кругом и схожую в компонентном плане, но несколько отличающуюся семантически ФЕ кружить голову:

1) У Федора кружилась голова, он уже ничего, кроме Рельской, не видел [2] – спутанность сознания на фоне переизбытка чувств;

2) Когда сидишь долго и потом поднимаешься – кружится голова от истощения [3, С. 362] – физиологическое состояние, вызванное внешними факторами;

3) У всего циркового состава закружилась голова от этих известий [4, С. 251] – яркие эмоции, вызванные радостной новостью;

4) И странно было то, что среди всей этой сумятицы, от которой кругом шла голова, крови и огня, спокойно шла обычная жизнь... [5, С. 174] – состояние дезориентации (в переносном смысле), вызванное окружающей обстановкой;

5) И вскоре у меня голова кругом шла: и от этого совершенно для меня непривычного и столь замечательного общества, и от этого людного низка, в полуподвальные окна которого <...> видны были всяческие ноги идущих взад и вперед по улице... [6, С. 238] – растерянность в непривычных обстоятельствах;

6) Густое золотое сияние льется из глаз Соломона, и очаровывает ее, и кружит ей голову, и сладкой, теплой дрожью струится по коже ее тела [7, С. 17] – будоражит, сводит с ума;

7) Директор театральной школы кружил Кате голову похвалами, и она не могла удержаться, рассказывала Мите об этих похвалах [8, С. 302] – сбивать с толку похвалой, в т.ч. необоснованной.

Очевидно, при едином образе, положенном в основу приведенных выше ФЕ, имеется разница в значении и коннотативных особенностях единиц. Стоит отметить, что, в зависимости от формы и строения глагольного компонента, может менять и соотношения субъекта-объекта, также обуславливающее специфику фразеологической ситуации (голова кружится сама либо кто-то сторонний кружит ее своей «жертве»).

Полемизируя с Н.Д. Арутюновой, все больше ученых говорят о том, что базисом и ЛО, и ФО становится метафорический перенос. Такое положение можно встретить в работах В.И. Зиминой, Н.В. Баско [9], Т.М. Филоненко [10], И.А. Волошкиной [11], Е.И. Рогалева [12], А. Naciscione [13] и др. Это свидетельствует об эволюции взглядов на сложность и многогранность образа как лингвистической категории. На наш взгляд, ФО и метафора имеют очень хрупкую связь: с одной стороны, метафора представляет собой механизм, превращающий исходную «картинку», прототипический словесный комплекс, в единицу вторичной номинации, приобретающую новые смыслы, а с другой, она (метафора) способна порождать сам образ. При этом механизм словесной метафоризации напрямую может зависеть от специфики самого образа.

Образность – одна из важнейших характеристик фразеологических единиц (далее – ФЕ). Будучи результатом вторичной номинации, они предполагают наполнение исходной семантической основы дополнительными смыслами, базирующимися на многочисленных экстралингвистических факторах. Так, например, ФЕ железный занавес, вошедшая в политический, а затем и повседневный дискурс после выступления У. Черчилля 5 марта 1946 и фактически ознаменовавшая начало Холодной войны (стоит отметить, что выражение существовало и раньше, но окончательно закрепилось в прессе и устной речи именно после упомянутого события). Со временем ФЕ превратилась в знак целой эпохи, что находит свое отражение и в художественной литературе: *Вот и эта мудрость, как и нападки на сентиментальность, вымудрена была д о последней войны, д о тоталитаризмов и железных занавесей* [14, С.

155]. Появление ФЕ обусловлено реальной исторической ситуацией: СССР и страны социалистического лагеря фактически закрылись для других государств, что можно сравнить с непробиваемым (прочным, *железным*) ограждением (=занавес), служащим надежным разделительным барьером. Только соотнесение с этими фактами позволяет пролить свет не только на сам ФО, но и на пути его зарождения. Отдельного комментария могут требовать и ФЕ, компоненты которых представляют собой лексику бытового характера, в т.ч. и устаревшую. Пример служит лексема *баклуши*, включенная в употребительную ФЕ *бить баклуши* (*И вы знаете, я считаю, что летний лагерь настолько полезнее для девчонки – настолько осмысленнее, как я всегда говорю, чем бить баклуши на пригородном газоне...* [15, С. 78]). *Баклуша* – деревянная заготовка для ложки или, согласно, другим версиям, чурка для игры в городки. Изготовление таких болванок считалось очень легким делом, что и могло стать основой для появления ФЕ (версия с игрой также представляется убедительной), т.е. характеристика процесса, связанного с предметом, сначала переносится на всю фразеологизируемую ситуацию, а затем повторно переосмысливается (*выполнять легкую работу / играть* → *бездельничать*). Это служит и репрезентацией особенностей русской ментальности: выполнение легкой работы, пусть и приносящей пользу, приравнивается к безделью.

ФЕ способны базироваться и на значимых культурных образах, в т.ч. активно репрезентируемых в фольклоре. Такова, например, ФЕ *молочные реки и кисельные берега*, употребляющаяся как в полном виде, так и в трансформированном, сокращенном (*Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности?* [6, С. 159]). Она репрезентирует представление русского народа о мифическом раздольном месте. Образ молока символизирует сытость, столь вожделенную для многих крестьян. Такой прагматический слой становится предметом исследования ученых-лингвокультурологов, т.к. он напрямую связан с культурным кодом носителей языка и окружающими их реалиями. Под культурным кодом вслед за М.Л. Ковшовой мы понимаем «систему знаков (знаковых тел), ставших носителями культурного смысла; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [16, С. 60]. Очевидно, что изучение культурного кода чрезвычайно важно для интерпретации как всей ФЕ, так и для изучения ФО. Такой процесс предполагает восприятие ФЕ через призму фоновых культурных знаний. Процесс декодирования фразеологического знака может протекать как на уровне автоматизма, за счет имеющихся у каждого носителя языка кодовых знаний, так и при глубинном исследовании, позволяющем обнаружить неизвестные первоначально связи. Особое внимание при этом может уделяться образу, т.к. именно он служит концентратом культурно насыщенной информации (*молочные реки* говорят о культурных доминантах, зафиксированных даже в фольклоре; пришедший из-за рубежа образ *железного занавеса* нашел отклик в сознании русского этноса и прочно закрепился в речи, став ярким репрезентантом представления об окружающей действительности).

Все вышесказанное дает основания задать важный вопрос: является ли образность категориальным свойством ФЕ? Единогласного мнения на этот счет не существует, однако наиболее верным представляется положение о том, что ряд выражений, причисляемых в фразеологии в широком ее понимании, лишены образной составляющей. Зачастую их называют *устойчивыми словосочетаниями*, встречаются такие единицы в официальной и научной речи, а также служат номинациями для тех или иных явлений (*принять меры, Млечный путь, до сих пор*). Противопоставлены таким выражениям образные ФЕ, чаще всего именуемые *идиомами*:

1) *И Митя почувствовал: какой это простой, спокойный и родной мир по сравнению с московским, уже отшедшим куда-то в тридцатое царство...* [8, С. 310];

2) *Это была другая Таня, и весь июнь, хотя и ворвалась в него чудовищная война, пребывал я «в Аркадии счастливой»* [14, С. 54];

3) – *Кто не повинуется ему, тот идет в геенну огненную* [18, С. 261];

4) *А ходишь гоголем, в отелях живешь, актрис, должно быть, взасос...* [19, С. 238] и др.

Такие выражения имеют несопоставимо больший коннотативный потенциал и зачастую характеризуются ярко выраженной эмоциональностью. Подобная градация поддерживается работами А.И. Смирницкого, Н.Н. Амосовой, А.В. Кунина и др. Д.О. Добровольский характеризует идиому как «устойчивое словосочетание различных структурно-семантических типов, чье значение является результатом полного или частичного семантического переосмысления компонентов его структуры» [цит. по: 20, С. 318]. Именно подобные ФЕ представляются наиболее интересными и перспективными для изучения с точки зрения когнитивистики и лингвокультурологии.

Нередкими являются случаи, когда ФО и ЛО фактически уравниваются в своей специфике. Внимание уделяется самому факту существования образа как наполненного смыслами знака, основанного на семантических особенностях языковой единицы, но при этом не учитываются сущностные различия ФЕ и отдельных лексем. Так, ставя своей целью изучить образность ФЕ с той или иной стороны, некоторые ученые (В. Mirchevska-Bosheva, Е. Рогалева и др.) исследуют исключительно ЛО компонентов, входящих в состав выражения. Такой подход может быть уместен для решения определенных исследовательских задач, однако не представляется верным для выявления образной сущности всей ФЕ, ведь он фактически разрушает ведущий ФО, превращая его в набор не связанных друг с другом элементов. Так, В. Mirchevska-Bosheva и G. Nikolovski в работе «Frazeološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku» («Фразеологический образ смерти в македонском и словенском языках») предлагают внимание читателей глубокое исследование ФЕ, семантически связанных со *смертью* и/или содержащих данный компонент в своем составе. Это позволяет не только изучить образ с разных сторон, но и понять его место в упомянутых лингвокультурах [21]. Однако исследование, якобы направленное на изучение целостного ФО, в конечном счете, сводится к изучению специфики ЛО в разных случаях употребления. Ошибочность такого подхода становится особенно заметной при изучении ФЕ с высокой степенью спаянности компонентов (такие выражения принято относить к фразеологическим сращениям). Такова, например, ФЕ *в бирюльки играть* (*Не подпадало дела настоящего! Ну, а в бирюльки играть был он не охотник* [8, С. 152]). Лексема *бирюльки*, вышедшая из активного словарного запаса,

не вызывает отклика в сознании современного носителя языка. Подробный анализ позволяет установить, что это наименование старинной игры, заключающейся в последовательном извлечении мелких предметов. С ней коррелирует лексема *играть*, предполагающая единственно возможное в данном контексте действие. Образы, связанные с каждым из этих компонентов, способны пролить свет на происхождение выражения, стать неким ключом к его пониманию, однако лишь изучение ФО позволяет в полной мере оценить специфику совокупного выражения (*игра* как несерьезное занятие вместе с конкретизацией вида деятельности формирует представление о бесполезном занятии, не имеющем никакой практической ценности). Подобная ситуация может складываться и в тех случаях, когда речь идет о ФЕ, взятых из Библии. Здесь мы имеем дело с особым образом, имеющим мощное религиозное основание и зачастую представляющим собой некий символ (*Ястребам простится: это их хлеб насущный* [22, С. 476]; *Кто не повинуется ему, тот идет в геенну огненную* [18, С. 261]). Разделение изучение образов, лежащих в основе каждого из компонентов подобных выражения, разрушает их целостность и уничтожает связь с первоисточником, обладающим высокой степенью культуранности. В отдельных случаях, на наш взгляд, даже попытки членения единого образа на частные оказались бы невозможными. Это касается заимствованных выражений, не подвергшихся усвоению. Таковы, например, многочисленных афористичные единицы латинского языка (*Но ее глубочайшая развращенность, способная смутить даже султана, ее необыкновенная опытность и смелость в арс аманди подтверждают мою догадку, что она получила воспитание в лупанарии...* [23, С. 236]; *Я несколько преувеличил свое, так сказать, position sociale* [3, С. 63]). Иноязычное происхождение таких ФЕ чрезвычайно затрудняет анализ ЛО отдельных лексем. Однако, несмотря на все вышесказанное, значимость компонентов как смысловых маркеров все равно нельзя, ведь первичное формирование ФЕ происходит именно благодаря семантико-коннотативным особенностям каждого из них.

Природа ФО также представляется чрезвычайно важным вопросом. Так, на наш взгляд, очень убедительной представляется точка зрения Р.Х. Хайруллиной, отмечающей сложность, двуплановость ФО. «Это связано, с одной стороны, с особенностями человеческого мышления и когнитивно-оценочной деятельности субъекта, а с другой – с особенностями языкового выражения фразеологической образности», – отмечает исследователь [24, С. 6130]. Это обуславливается двуплановостью семантики самих ФЕ. Важным аспектом становится привлечение в качестве доказательства результатов исследований нейролингвиста К.Ф. Седова, доказавшего, что при восприятии ФЕ задействуются оба полушария мозга, одно из которых отвечает за интерпретацию буквального смысла ФЕ, а другое – его образной составляющей. В результате Р.Х. Хайруллина делает вывод о том, что «под фразеологическим образом следует понимать возникший в результате переносно-образной интерпретации компонентов исходной единицы смысл, который закрепляет миропонимание носителей языка» [24, С. 6131].

Еще одной значимой проблемой можно считать недостаточную разграниченность понятий ФО и внутренней формы (далее – ВФ). ВФ – сложное явление, напрямую связанное с механизмами мышления. Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «большинство исследователей выводит ВФ идиом за пределы их семантической структуры в область психических (сенсорно-перцептивных) категорий» [25, С. 274]. Однако, по мнению ученого, такой подход представляется односторонним. Исследователь отмечает, что «сущность ВФ дискурсивных идиом обуславливается вторичностью их семиозиса, предполагающей активное участие в ее возникновении всех фразеобразующих компонентов – лексических и грамматических – в их ономазиологическом и семасиологическом взаимодействии» [25, С. 274]. Такое понимание ВФ делает невозможным ее отождествление с ФО. Однако именно это мы встречаем в некоторых работах. Так, например, у Л.Ш. Миграновой можно встретить такое положение: «Интерпретация **образного основания фразеологизма (внутренней формы)** в знаковом культурно-национальном пространстве русского языка является механизмом вскрытия культурной коннотации» [26, 30] (выделение наше – М.Г.). Как видим, исследователь поясняет одно понятие другим, подчеркивая тем самым их равнозначность. Аналогичное уподобление можно встретить и у Н.В. Баско и В.И. Зимина: «Эти [упомянутые в работе] фразеологические картины мира не являются независимыми друг от друга, они связаны **внутренней формой, точнее образом фразеологизма**, представленным в сознании современных русских людей» [27, С. 411].

По мнению Н.Ф. Алефиренко (эта точка зрения представляется нам наиболее точной), ВФ и ФО не могут считаться тождественными уже потому, что она [ВФ] «выступает лишь одним, хотя и наиболее выразительным, его [генетического образа] признаком, символизирующим собой всю многогранность дискурсивно-когнитивного образа» [25, С. 274]. Эта точка зрения опирается на положение А.А. Потемби, согласно которому ВФ представляет собой «не образ предмета, а образ образа» [цит. по: 25, С. 274]. Вслед за Н.Ф. Алефиренко, мы считаем ВФ ключевым признаком образа, его центром, но не эквивалентом. Это подтверждается и существованием ФЕ, не имеющих образной составляющей, но обладающих ВФ. Таковы, например, ФЕ, состоящие из одной словоформы, не подвергшейся значительному переосмыслению (*Я до боли хочу понять, откуда это* [22, С. 490]; *Это инструмент, эта уж до самой смерти заговорит, эта уж не выпустит, н-е-т!* [28, С. 157]), или же отдельные устойчивые конструкции нейтрального и/или официального характера (*Да, надо принять меры, чтобы между женищинами и нашими военнопленными никакого общения не было* [3, С. 82]; *Ну, так имейте в виду... если шук сотню сразу... лучше, конечно, в толченом виде – сеанс может успешно кончиться* [22, С. 509]).

Исходя из всего вышесказанного, можно заметить, что корень всех проблем кроется в отсутствии четкого понимания сути ФО. Примечательно, что сам термин активно используется учеными для формулировки темы исследования, однако нередко бесследно исчезает внутри работы. Это свидетельствует о недостаточно глубоком понимании такой важной проблемы, как сущность ФО. Сюда же можно отнести поверхностную трактовку термина. Так, под ФО нередко подразумевается буквальное понимание ФЕ, механическое копирование внешней «картинки». Такой подход чаще всего встречается в работах молодых ученых, однако просматривается и в трудах опытных специалистов как в России, так и за рубежом (например, исследованные работы Л.Б. Воробьевой, Л.И. Гишкаевой, G. Nikolovski и др.). Многие исследователи в свою очередь стремятся сделать упор на важности особенностей лингвокультуры, национальных артефактов, формирующих тот или иной ФО. Подобный подход представляется нам

более обоснованным. Опираясь на изыскания Т.М. Филоненко [10, С. 74], мы понимаем под ФО «наглядное представление», определенную «картинку», воссоздающую конкретную ситуацию или атрибут, связанный с этой ситуацией. Важно понимать, что речь здесь идет не о точных «копиях» событий, происходящих в реальной действительности, а об их трансформированных языковым сознанием версиях, образованных под влиянием историко-культурного фона, традиций, обычаев и других значимых в лингвокультурном отношении факторов. Подобные метаморфозы существенно влияют и на фразеологическое значение, которое, по мнению многих исследователей (В.Н. Телия, И.А. Волошкина, Чой Юн Хи и др.), так или иначе, зависит от ФО. Так, И.А. Волошкина полагает, что «в основе формирования значения ФЕ лежит не целостный образ, а лишь произведенная от образа ассоциация, актуализированная на фоне значения некоторого исходного сочетания, а затем — вычерпанного из него содержания, соотносимого с номинативным замыслом говорящего, заданным в форме некоторого когнитивного состояния сознания» [11, С. 56]. При этом исследователь отмечает статический характер ФО, в отличие от динамичной ВФ, «придающей направление мысли от одного денотата, выраженного в исходном словосочетании, к другому, воплощенном в ФЕ» [11, С. 57], тогда как А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский называют ВФ «образной составляющей» ФЕ и отмечают ее значимость как элемента плана содержания [29, С. 21], указывая при этом на неоднозначность соотношения актуального ФЗ и ВФ во многих ФЕ. Основываясь на всем вышесказанном, можно заключить, что ФО и ВФ находятся в тесной связи друг с другом, однако при этом не являются взаимодополняющими (так, в ФЕ со сниженной образностью может определяться ВФ и наоборот, во фразеологических сращениях выделение ВФ может быть затруднительным). ФО и ВФ связаны с ФЗ как базовый конструкт и «путь» его трактовки с конечным результатом. При этом именно благодаря специфике ФО могут развиваться дополнительные коннотации, ФЗ может становиться более сложным и разветвленным.

Заключение

Итак, рассмотренные проблемы в учении о ФО позволяют выявить основные «горячие точки», связанные с исследованием категориальных свойств ФЕ. Аналитическое описание этих проблем позволит в перспективе интуитивно воспринимаемые категории современной фразеологии перевести в плоскость аргументированной и корректной интерпретации фразеологических структур как особой номинации лежащих у их основания образов.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90034.

Funding

The reported study was funded by RFBR, project number 20-312-90034.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества дис. ...д-ра null: 10.02.01 : защищена 2004-04-19 : утв. 2004-09-09 / Т.М. Филоненко – Магнитогорск: 2004. – 435 с.
2. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т.; / А.И. Куприн – М.: Правда, 1964. – 7 т.
3. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т.; / Л.Н. Андреев – М.: Художественная литература, 1990. – 2 т.
4. Куприн А.И. Собрание сочинений: в 9 т.; / А.И. Куприн – М.: Правда, 1964. – 5 т.
5. Шмелев И.С. Собрание сочинений: в 5 т.; / И.С. Шмелев – М.: Русская книга, 1998. – 1 т.
6. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т.; / Л.Н. Андреев – М.: Художественная литература, 1994. – 4 т.
7. Юрасов В.И. Враг народа / В.И. Юрасов – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. – 126 с.
8. Ржевский Л.Д. Звездапад / Л.Д. Ржевский – Анн-Арбор: Эрмитаж, 1984. – 273 с.
9. Набоков В.В. Круг: Стихотворения, повесть, рассказы / В.В. Набоков – М.: Советская Россия, 1991. – 287 с.
10. Набоков В.В. Лолита / В.В. Набоков – М.: Художественная литература, 1991. – 415 с.
11. Ржевский Л.Д. Между двух звезд / Л.Д. Ржевский – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953. – 410 с.
12. Бунин И.А. Поэзия и проза / И.А. Бунин – М.: Просвещение, 1986. – 384 с.
13. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н.Ф. Алефиренко – М.: Academia, 2002. – 394 с.
14. Андреев Л.Н. Собрание сочинений / Л.Н. Андреев – М.: Художественная литература, 1996. – 739 с.
15. Бунин И.А. Суходол. Жизнь Арсеньева. Рассказы / И.А. Бунин – Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1978. – 479 с.
16. Ковшова М.Л. Анализ фразеологических единиц и коды культуры. / М.Л. Ковшова // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2008. – 67-2. – с. 60-65.
17. Чернобай С.Е. Определение идиомы в современной фразеологии. / С.Е. Чернобай // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2011. – 3-2. – с. 317-321.
18. Баранов А.Н. Принципы семантического описания фразеологии. / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2009. – 6. – с. 21-34.
19. Рогалева Е.И. Способы словарной интерпретации фразеологического образа. / Е.И. Рогалева // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2010. – 1-11. – с. 49-54.
20. Мигранова Л.Ш. Фразеологический образ как источник культурной коннотации (на материале повести А. Приставкина "Ночевала тучка золотая"). / Л.Ш. Мигранова // Язык и культура. – 2014. – 2 (26). – с. 30-5.

21. Волошкина И.А. Фразеологический образ как отражение характера человека (на материале французского языка). / И.А. Волошкина // Вестник Новгородского государственного университета. – 2008. – 49. – с. 55-58.
22. Хайруллина Р.Х. Фразеологический образ: ментальная природа и лингвистическое выражение. / Р.Х. Хайруллина // Фундаментальные исследования. – 2015. – 2-27. – с. 6129-6132.
23. Naciscione A. Visual representation of phraseological image [Electronic source] / A. Naciscione // Researchgate. – 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303165559_Visual_representation_of_phraseological_image. (accessed: 09.11.21)
24. Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) / Н.Д. Арутюнова // Референция и проблемы текстообразования. Сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1988. – С. 117-130.
25. Баско Н. В. Образ фразеологизма как проблема словарной дефиниции во фразеологическом словаре / Н. В. Баско, В. И. Зимин // Русская лексикография XXI века: проблемы и способы их решения. Материалы докладов и сообщений международной научной конференции. – СПб, 2016. – С. 34-37.
26. Баско Н. В. Новое время – новые фразеологические образы / Н. В. Баско, В. И. Зимин // Пушкинские чтения-2017. художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXII международной научной конференции. – СПб, 2017. – С. 407-416.
27. Mirchevska-Bosheva V. Frazeološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku / V. Mirchevska-Bosheva, G. Nikolovski // Jezik in slovstvo. – 2020. – №65. – P. 316-337.

Список литературы на английском / References in English

1. Filonenko T.M. Frazeologičeskij obraz v yazy'kovy'x modelyax prostranstva, vremeni i količestva [Phraseological image in languages models of space, time and quantity] dis....of PhD in Social and human sciences: 10.02.01 : defense of the thesis 2004-04-19 : approved 2004-09-09 / T.M. Филоненко – Magnitogorsk: 2004. – 435 p. [in Russian]
2. Kuprin A.I. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 9 vol.; / A.I. Kuprin – M.: Pravda, 1964. – 7 vol. [in Russian]
3. Andreev L.N. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 vol.; / L.N. Andreev – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1990. – 2 vol. [in Russian]
4. Kuprin A.I. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 9 vol.; / A.I. Kuprin – M.: Pravda, 1964. – 5 vol. [in Russian]
5. Shmelev I.S. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 5 vol.; / I.S. Shmelev – M.: Russkaya kniga, 1998. – 1 vol. [in Russian]
6. Andreev L.N. Sobranie sochinenij [Collected works]: in 6 vol.; / L.N. Andreev – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1994. – 4 vol. [in Russian]
7. Yurasov V.I. Vrag naroda [Enemy of the people] / V.I. Yurasov – N'yu-Jork: Izd-vo imeni Chexova, 1952. – 126 p. [in Russian]
8. Rzhetskij L.D. Zvezdopad [Starfall] / L.D. Rzhetskij – Ann-Arbor: E'rmitazh, 1984. – 273 p. [in Russian]
9. Nabokov V.V. Krug: Stixotvoreniya, povest', rasskazy' [Circle: Poems, novellas, short stories] / V.V. Nabokov – M.: Sovetskaya Rossiya, 1991. – 287 p. [in Russian]
10. Nabokov V.V. Lolita [Lolita] / V.V. Nabokov – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1991. – 415 p. [in Russian]
11. Rzhetskij L.D. Mezhdv dvux zvezd [Between two stars] / L.D. Rzhetskij – N'yu-Jork: Izd-vo imeni Chexova, 1953. – 410 p. [in Russian]
12. Bunin I.A. Poe'ziya i proza [Poetry and prose] / I.A. Bunin – M.: Prosveshhenie, 1986. – 384 p. [in Russian]
13. Alefirenko N.F. Poe'ticheskaya e'nergiya slova. Sinergetika yazy'ka, soznaniya i kul'tury' [The poetic energy of the word. Synergetics of language, consciousness and culture] / N.F. Alefirenko – M.: Academia, 2002. – 394 p. [in Russian]
14. Andreev L.N. Sobranie sochinenij [Collected works] / L.N. Andreev – M.: Xudozhestvennaya literatura, 1996. – 739 p. [in Russian]
15. Bunin I.A. Suxodol. Zhizn' Arsen'eva. Rasskazy' [Sukhodol. Arsenyev's life. Stories] / I.A. Bunin – Voronezh: Centr.-Chernozemnoe kn. izd-vo, 1978. – 479 p. [in Russian]
16. Kovshova M.L. Analiz frazeologičeskix edinicz i kody' kul'tury' [Analysis of phraseological units and cultural codes]. / M.L. Kovshova // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury' i yazy'ka [Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya literatury i yazyka]. – 2008. – 67-2. – p. 60-65. [in Russian]
17. Chernobaj S.E. Opredelenie idiomu' v sovremennoj frazeologii [Definition of an idiom in modern phraseology]. / S.E. Chernobaj // Učeny'e zapiski Kry'mskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki [Učeny'e zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologičeskie nauki]. – 2011. – 3-2. – p. 317-321. [in Russian]
18. Baranov A.N. Principy' semanticheskogo opisaniya frazeologii [Principles of semantic description of phraseology]. / A.N. Baranov, D.O. Dobrovolskij // Voprosy' yazy'koznaniya [Voprosy yazykoznaniya]. – 2009. – 6. – p. 21-34. [in Russian]
19. Rogaleva E.I. Sposoby' slovarnoj interpretacii frazeologičeskogo obraza [Ways of dictionary interpretation of phraseological image]. / E.I. Rogaleva // Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazy'koznanie [Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie]. – 2010. – 1-11. – p. 49-54. [in Russian]
20. Migranova L.Sh. Frazeologičeskij obraz kak istočnik kul'turnoj konnotacii (na materiale povesti A. Pristavkina "Nočevala tuchka zolotaya") [Phraseological image as a source of cultural connotation (based on the material of A. Pristavkin's story "The Golden Cloud spent the Night")]. / L.Sh. Migranova // Yazy'k i kul'tura [Yazyk i kul'tura]. – 2014. – 2 (26). – p. 30-5. [in Russian]
21. Voloshkina I.A. Frazeologičeskij obraz kak otrazhenie xaraktera cheloveka (na materiale francuzskogo yazy'ka) [Phraseological image as a reflection of a person's character (based on the material of the French language)]. / I.A. Voloshkina // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta]. – 2008. – 49. – p. 55-58. [in Russian]

22. Xajrullina R.X. Frazеologicheskij obraz: mental'naya priroda i lingvisticheskoe vy'razhenie [Phraseological image: mental nature and linguistic expression]. / R.X. Xajrullina // Fundamental'ny'e issledovaniya [Fundamental'nye issledovaniya]. – 2015. – 2-27. – p. 6129-6132. [in Russian]
23. Naciscione A. Visual representation of phraseological image [Electronic source] / A. Naciscione // Researchgate. – 2010. – URL: https://www.researchgate.net/publication/303165559_Visual_representation_of_phraseological_image. (accessed: 09.11.21)
24. Arutyunova N. D. Obraz (opyt konceptual'nogo analiza) [Image (conceptual analysis experience)] / N.D. Arutyunova // Referenciya i problemy tekstoobrazovaniya. Sbornik nauchnyh trudov / Edited by N.D. Arutyunova. – M.: Nauka, 1988. – P. 117-130. [in Russian]
25. Basko N. V. Obraz frazeologizma kak problema slovarnoj definicii vo frazeologicheskom slovare [The image of phraseology as a problem of dictionary definition in a phraseological dictionary] / N. V. Basko, V. I. Zimin // Russkaya leksikografiya XXI veka: problemy i sposoby ih resheniya. Materialy dokladov i soobshchenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – SPb, 2016. – P. 34-37. [in Russian]
26. Basko N. V. Novoe vremya – novye frazeologicheskie obrazy [New time – new phraseological images] / N. V. Basko, V. I. Zimin // Pushkinskie chteniya-2017. hudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy XXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – SPb, 2017. – P. 407-416. [in Russian]
27. Mirchevska-Bosheva B. Frazеološka podoba smrti v makedonskem in slovenskem jeziku [Frazеological image of death in Macedonian and Slovenian languages] / B. Mirchevska-Bosheva, G. Nikolovski // Jezik in slovstvo. – 2020. – №65. – P. 316-337. [in Slovenian]